

Катехон в эпоху ярости кибернетических систем

РУСЛАН ХЕСТАНОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва,
Россия, khestanov@hse.ru.

Ключевые слова: катехон; кибернетика; Карл Шмитт;
цифровизация; катастрофа; нормализация;
диспозитивы безопасности; политическое; хакер.

В статье утверждается, что одной из основных характеристик модерна является лежащий в его основании парадокс, который можно было бы обозначить как установку на секьюритизацию через катастрофу. Автор показывает, каким образом из стремления к преодолению катастроф и кризисов формируется установка на их утилизацию, то есть на создание аппаратов или устройств, гарантирующих безопасность и успешное преобразование катастроф в благо или преимущество. Предлагается анализ полемики вокруг концепции *катехона* Карла Шмитта, поскольку она стала средоточием споров о гарантиях сдерживания катастрофических событий в связи с вызовом, брошенным новыми технологиями и последними представителями мощной волны технооптимизма в лице кибернетического движения. Катехон оказывается чрезвычайно удобным концептом аналитических усилий, который, удерживая отсылку к библейской традиции, связывает в единый проблемный узел современные теории больших

политических пространств, империи как силы удержания, суверенитета и политического.

Акцент в статье делается на анализе катехона представителями кибернетического движения, поскольку в основном именно они настаивали на возможности создания систем автоматического контроля и преодоления кризисов и катастроф. Утверждается, что рост автоматизации технологического универсума не сужает пространство принятия политических решений, но трансформирует политику и делает ее трудно идентифицируемой. Демонстрируется, что одним из препятствий идентификации политического в современную цифровую эпоху является унаследованный от Шмитта образ политики, сформировавшийся на основе оппозиции между легализмом и децизионизмом, значимость которой исчезает внутри новых технических систем. Катехон, предохраняющий от кризиса, столь же трудно идентифицировать, как политическое или источники угроз.

Утилизация катастроф

ОДНОЙ из основных характеристик модерна является лежащий в его основании парадокс, который кратко можно было бы обозначить как установку на секьюритизацию через катастрофу. Иначе говоря, с одной стороны, наблюдается глубокое проникновение озабоченности безопасностью в политику, экономику, культуру и другие сферы человеческой жизнедеятельности, с другой стороны, обретает все большую убедительность взгляд на кризис и катастрофическую динамику как на диспозитив развития и модернизации, как на инструмент установления более прочного порядка, когда кризис описывается как начальная фаза нормализации или адаптации к инновациям, которые питают гибельные катаклизмы.

В различных теоретических конструкциях концепта кризиса иногда явным, иногда скрытым образом присутствует призыв к мобилизации мысли. Исходя из допущения о том, что непредсказуемая катастрофа может стать катализатором радикальной реорганизации порядка, ставится задача «интеграции катастрофического разрушения в сферу политики без окончательного разрушения». При этом утверждается, что

...непредсказуемая катастрофа может стать катализатором радикальной реорганизации порядка, а не просто силой разрушительного уничтожения¹.

Наоми Кляйн утверждает, что подобные установки переживают свой расцвет в эпоху неолиберализма, которую она называет «капитализм катастроф», поскольку слияние неолиберальных эконо-

Исследование выполнено в рамках проекта «Большое пространство в постглобальную эпоху: империя и мировое общество как социологические феномены и темы дискурсивных формаций», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2024 году по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

1. Bates D. W. *Catastrophe and Human Order: From Political Theology to Political Physiology*// *The Time of Catastrophe Multidisciplinary Approaches to the Age of Catastrophe* / C. Dole et al. (eds). Farnham, UK: Ashgate, 2015. P. 103–104.

мических принципов и гипермилитаризованного государственного аппарата придали ему необычные новые гибридные формы².

В дискурсивном измерении кризисная мобилизация достигается посредством драматизации ситуаций, событий или процессов, в которых выделяется два аспекта: с одной стороны, наличие чрезвычайной угрозы, прерывающей привычный и нормальный ход вещей, с другой стороны, обнаружение необычайных возможностей не только для преодоления угрозы, но и достижения значимого выигрыша в виде учреждения нового многообещающего порядка и «нормализации». Именно сочетание этих двух аспектов — угрозы и выигрыша — практически с неизбежностью вводит в содержание разных теоретических конструкций кризиса перспективу утилизации и инструментализации критических ситуаций и событий. Кризисы и связанные с ними риски получают возможность, так сказать, капитализации — они могут рассматриваться в качестве важных компонентов социального или политического планирования.

Именно возможность инструментальной утилизации кризисов порождает исключительный интерес к ретроспективным, или историческим, наблюдениям за кризисными опытами. Уроки, извлекаемые исследователями из кризисов, легко принимают форму кризисных техник, инструкций, протоколов, методик или приемов извлечения пользы из трагедии. Сделаем осторожное предположение: утилитарный импульс является формообразующим для мысли модерна, что довольно ярко было отражено и выражено у последователей так называемой *компенсаторной теории* Иоахима Риттера³, в понятии *творческого разрушения* Йозефа Шумпетера, а также в множестве доктрин скоротечной и эфемерной значимости вроде *шоковой терапии*. Если общим местом стало предположение, что динамика модерна определяется инкорпорированием (а не устранением) противоречий, то есть основания для характеристики модерна как процесса инспирации и последующей утилизации кризисных событий. Дискурс модерна маркирует преодоление кризиса как компенсацию или выигрыш.

Подчеркнем, что речь идет о дискурсивной конструкции кризиса, о схеме селекции, с помощью которой мышление современ-

2. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Добрая книга, 2009.

3. Куренной В. А. Россия после кризиса: вызовы модернизации. Избранные места из стенограммы Междисциплинарного круглого стола журнала «Гуманитарный контекст» // Гуманитарный контекст. 2009. № 2. С. 84–91.

ности структурирует реальность. Кризисный схематизм указывает нам также на его недискурсивную значимость, на то, что его композиция составлена из тех операций (категоризации реальности, рационального расчета, эмоциональных реакций, целеполагания, норм поведения и т. д.), от которых люди со временем уже не в силах отказаться.

Уточним, что самые архаичные описания катастроф и кризисов содержали отмеченную амбивалентность. Если бы Грегори Бейтсон не связал в своей концепции двойного послания (*double bind*) противоречивость кризисного схематизма с шизофренией, ее можно было бы интерпретировать как глубинную антропологическую характеристику. Правда, эту связь обнаружили его более поздние интерпретаторы. Особенность дискурса современности состоит именно в утилизации катастрофической динамики. Архаичный дискурс описывал кризис как фундаментальную черту космоса, тогда как современность видит в нем потенциал прибыли и инструмент развития и модернизации.

Извлечение инструментальных выгод поддерживается оптикой историзирующего наблюдения, осуществляющего операцию по выделению фреймов, паттернов или структурных аналогий кризисов, внутри которых определенным элементам аналитически развернутых кризисов придается свой *modus operandi*. Паттерны затем аналитически переводятся в очень определенные кризисные техники. При этом внутри такой довольно абстрактной оптики недостатки легко превращаются в преимущества, препятствия — в инструмент преодоления, дефициты — в ресурсы, отсутствие возможностей принимать решения — в эвристически плодотворную ситуацию⁴, то есть освоение кризиса осуществляется как технический, или инструментальный, процесс конверсии отрицательного в положительное. Богатый исторический опыт преодоления и конверсий катастроф в благо сам по себе порождает стремление к особому типу селекции оптимальных действий и реакций, которые, согласно допущению, можно было бы применять на практике универсально, вне зависимости от контекста и специфики обстоятельств.

Грубо говоря, современность, ориентированная на модернизацию и развитие, опирается на метафизическую веру в возможность создания устройства, автоматически гарантирующего конверсию катастроф в прогресс и развитие. А то, что называют *нор-*

4. Pors J. G., Anderson N. A. Playful Organisations: Undecidability as a Scarce Resource // Culture and Organisation. 2015. Vol. 21. № 4. P. 338–354.

мализацией, наступающей после кризисной фазы, обязательным образом включает в себя литургическую фиксацию в моменте ликования, или триумфа, хорошо передаваемую английским словом *celebration*.

Пафос столь пространный вступление в проблему состоит не в том, чтобы продемонстрировать дискурсивный самообман или указать на тщетность надежд, связанных с инструментальной конверсией катастроф. Скорее, предлагается обратить внимание на фундаментальную значимость различия, лежащего в основании современных поисков гарантий неминуемого наступления фазы нормализации и преобразования кризисной динамики в положительную. Различие, о котором идет речь, грубо говоря, сводится к альтернативности в ставках или стратегиях выбора: полагаться на автоматизм⁵ антикризисных механизмов либо же на решения, основанные на человеческом искусстве. Первая стратегия предполагает создание диспозитивов безопасности: интегрированных в единый механизм социальных, правовых, технологических или бюрократических алгоритмов, которые в автоматическом режиме осуществляют контроль кризисного развития, включают оптимальные аппараты посткатастрофической нормализации, устраняя тем самым опасные антропологические проявления слабости — ограниченного влияния групповых и индивидуальных интересов, паники, иррациональных реакций или сиюминутной импульсивности. Вторая стратегия делает акцент на критической важности человеческих решений, поскольку отстранение человека от чрезвычайных решений чревато его полной капитуляцией и зависимостью от механического Левиафана. Задача данной статьи будет решена, если удастся показать, насколько данная дилемма является ложной.

Инструментализация кризиса проявляет себя сначала дискурсивно в теориях и гипотетических объяснениях. Затем следует разработка прикладных методик и рекомендаций. Попробуем

5. В конце 1970-х годов профессор Массачусетского технологического института по электронной инженерии и компьютерным наукам Михалис Детрузос определил автоматизацию как «процесс замены человеческих задач машинными функциями». Сам термин автоматизация был введен в 1936 году одним из руководителей *General Motors* Делмаром Хардером для обозначения того, что он назвал автоматической обработкой деталей между последовательными производственными процессами (*Detrouzos M. L. Individualized Automation // The Computer Age: A Twenty-Year View // M. L. Detrouzos, J. Moses (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1979. P. 38*).

на одном примере проследить эту траекторию, начав с известного социологического наблюдения Эмиля Дюркгейма, обобщенно в формуле, согласно которой совершенное преступление может породить эффект общественного негодования (*colère publique*), которое играет роль скрепляющего общность фактора.

Преступление объединяет и концентрирует честную совесть. Достаточно посмотреть, что происходит, особенно в маленьком городе, когда совершается моральный скандал. Люди останавливаются на улице, ходят друг к другу в гости, встречаются в условленных местах, чтобы обсудить событие и выразить свое коллективное возмущение. Из всех этих сходных впечатлений, которыми обмениваются, из всего выражаемого гнева возникает единый гнев, более или менее определенный в зависимости от случая, который является всеобщим, не будучи ничьим в особенности. Это и есть общественное негодование⁶.

Событие преступления внезапно переводит всю социальную жизнь общности в состояние ускоренной коммуникации — обмен мнениями между людьми интенсифицируется, а подвижные эмоциями разговоры между ними множатся. Современный немецкий исследователь Кристофер Менке интерпретирует этот классический пример Дюркгейма, *общественного негодования*, как состояние «доконцептуальной аффектации», как социальный паттерн общественного потрясения, тревоги или беспокойства, который может запустить рефлекс спонтанных проявлений солидарности у членов сообщества⁷. Менке придает сугубо социологическим формулировкам «общественного негодования», «коллективной совести» или норм статус «социальных фактов», то есть независимую от социальных контекстов теоретическую форму, приложимую к реальностям любого социального или исторического контекста.

Выработанный паттерн примеряется к схожим ситуациям, скажем, террористического кризиса, когда «все мы потрясены и обеспокоены», когда «наше общество» становится объектом террористической атаки. Следующий шаг — создание столь же универсального алгоритма действий, когда в ответ на растущее общественное негодование предлагается организация собраний и ритуальных демонстраций солидарности, набор публичных жестов, призванных напомнить о единстве и сплоченности группы

6. Durkheim É. De la division du travail social. P.: PUF, 1986. P. 70–71.

7. Menke C. Kritik der Rechte. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2015.

перед лицом террористической агрессии. Этот паттерн легко операционализируется и обращается в формулы определенных технических решений в виде заготовок по реагированию на гипотетические террористические атаки: предлагаются алгоритмы действий для СМИ, оформляются ритуалы публичной демонстрации солидарности и протеста в общественных местах, на площадях, в школах и университетских кампусах, подключаются заранее созданные для подобных случаев волонтерские организации.

Примером подобной операционализации, задающей алгоритмы действий и правовых регламентов как для гражданского общества, так и для государственных аппаратов и спецслужб, могут служить принятые федеральным правительством США в 2002 году после террористической атаки на башни-близнецы Закон о внутренней безопасности (*Homeland Security Act*) и Патриотический акт США (*USA Patriot Act*). Почти за десятилетие до атаки и принятия этих законодательных инициатив Никлас Луман рассуждал о порождении правовой нормы через скандал, когда правовое оформление получают немислимые до скандала случаи

... насильственной депортации и переселения, бесследного исчезновения людей, сопровождаемого государственным попустительством, незаконного лишения свободы и пыток, а также политических убийств всех видов. Тот, кто в таких случаях возмущенно реагирует и выражает ожидания, противоречащие фактам, не обязан считаться с инакомыслящими — почти как если бы за смысл нормы ручались святые силы. Производство норм происходит по модели Дюркгейма, которая использует общественное возмущение (*colère publique*). Юридическое придание формы, регулирование в соответствии с международным правом может лишь присоединиться к этому, но не выступать в качестве источника права⁸.

Стаффорд Бир, один из ведущих британских кибернетиков, получивших философское образование в Оксфорде, предельно механистически интерпретировал описание производства норм Дюркгеймом. Он допустил наличие «системы возбуждения» в управленческих аппаратах, которые срабатывают при чрезвычайных сценариях развития событий: если на заводе случается катастрофа, то с постели можно поднять всех его работников и руководителей, чего в рутинных проблемных ситуациях добиться доста-

8. *Luhmann N. Are There Still Indispensable Norms in Our Society? // Soziale Systeme. 2008. Vol. 14. № 1. P. 33.*

точно сложно⁹. У подобного рода порождающих новые нормы механизмов общественного возбуждения существует относительно высокий порог срабатывания или запуска. Бир описывает этот порог как фазовый скачок, после которого начинается *перепрограммирование* всей системы управления, то есть выключение одной системы управления и включение другой. Перепрограммирование он понимает как *изменение скорости* или *перераспределение рисков*. Поскольку времени на обдумывание решений в кризисной ситуации не бывает, подобного рода альтернативные программы для чрезвычайных ситуаций должны быть заранее подготовлены¹⁰. Термин *перепрограммирование* и использование характерного для кибернетиков системного сленга — «система возбуждения» — уведомляют нас о характерной дискурсивной подмене. Понятие *системы* было введено в теорию управления в противовес понятию *решения*. Аналогичная подмена осуществляется в политической науке, когда вместо теории суверенитета речь ведется о системах безопасности или адаптации к кризисам¹¹.

Бир был представителем большой фракции кибернетиков, считавших в себе крайний механицизм и мистические воззрения нью-эйдж религиозности. Все его механизмы, а также его знаменитое и популярное сегодня в теории менеджмента концептуальное изобретение — модель жизнеспособной системы (*viable system model*) — были причудливым продуктом комбинации кибернетических концептов и магических фигур и образов йогических учений. *Модель жизнеспособной системы* возникла как результат наложения двух карт: схематического изображения физиологии нервной системы человека и диаграммы мистического, духовного тела. Элементы полученной *модели жизнеспособной системы* одновременно читались и как узлы коммуникации и управления, и как йогические чакры, которым приписывалось автономное сознание, подтвержденное медитативным опытом Бира¹².

Животные, люди и машины у Бира представляли собой аббревиатуру автоматов, а коммуникация между ними осуществлялась

9. Бир С. Мозг фирмы / Пер. с англ. М. М. Лопухина. М.: Либроком, 2008. С. 158.

10. Там же. С. 159.

11. Об этом напрямую писал Дэвид Истон, утверждая, что теория систем была «отпором политической теологии, духовным идеалам, оторванным от эмпирического разума» (*Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. 1957. Vol. 9. № 3. P. 21*).

12. *Pickering A. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics // Kybernetes. 2004. Vol. 33. № 3/4. P. 517–518.*

посредством автоматизмов. Вместе они представляли собой единый автоматизированный космос, одухотворенный мистикой чисел и геометрических фигур. Его статьи и книги стали классикой для современного корпоративного менеджмента, хотя тексты пропитаны мистическими смыслами, не считаваемыми теми, кто плохо знаком с эзотерическими учениями йогов. Фрактальный взгляд на мир не проводил различий между катастрофами общества и небольшой организации. Иммунная система организма функционировала, согласно Биру, так же, как механизмы предотвращения кризисов в фирме, обществе и космосе.

Если для Бира общество в идеале должно было функционировать как отлаженный автомат, то для Бернара Стиглера, напротив, «автоматическое общество» представляло собой отрицательный результат эволюции западной культуры позднего капитализма. Полная дезинтеграция социальных, экономических и политических отношений произошла благодаря формированию новых автоматизмов с помощью технологий комплексной и повсеместной цифровизации. Новизна сложившейся исторической ситуации заключается в том, что автоматизмы неизбежно формируют мощную тенденцию к деполитизации обществ. Иначе говоря, логика автоматизации (как в технической, так и в человеческой сфере, включая, разумеется, и наши самые интимные сферы) препятствует подлинному вмешательству, прерыванию, рефлексии, принятию решений или даже реальному оспариванию¹³. В этом Стиглер не был оригинален — столь же пессимистичную оценку автоматизации политических процессов и, как следствие, нейтрализации политики давал и его предшественник Карл Шмитт, о котором мы выскажемся чуть ниже. Сбор, анализ и прогнозирование с помощью больших данных в самых разных областях человеческой жизни для многих современных исследователей также являются своего рода симптомом появления новой формы алгоритмического управления, которая все больше исключает принятие решений человеком и, следовательно, перекрывает зазоры не столько для ошибки, но для любой контингенции, поскольку алгоритмы интегрируют индивидуальные отклонения и исключения в непрерывное производство все новых и новых прогностических моделей в режиме реального времени, работающих круглосуточно.

Концептуальная разработка Шмиттом *катехона* представляется собой сложную реакцию на угрозу вирусного распростране-

13. Stiegler B. Automatic Society: Vol. 1. The Future of Work. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2016.

ния алгоритмических автоматизмов и связывает в единый проблемный узел темы больших политических пространств, империй как сил удержания, суверенитета и решения. Недавняя книга Бенджамина Браттона «Стек: о программном обеспечении и суверенитете» является продолжением этого шмиттеанского импульса. Для начала скажем, что *стек* (*stack*) — это один из способов цифровой организации памяти, ставший сегодня практически универсальным. Браттон утверждает, что появление новой цифровой архитектуры организации памяти и вычислительной техники планетарного масштаба не только деформирует вестфальскую политическую географию, но и создает новые территории, которые появляются сначала как связанные между собою зоны, каждая из которых имеет собственную логику, и представляя собой «стек», но, и это главное, зоны не совпадают с границами современных государств.

В процессе универсализации, или глобализации, новой конфигурации памяти перерисовываются и стираются привычные формы государственного суверенитета и международные коммуникации. Апеллируя к корпусу послевоенных работ Шмитта, Браттон предлагает новую версию номоса — *номос облака*. Зоны слой за слоем сливаются в метаструктурный порядок иного, *облачного*, транснационального строя, поглощающего в себя все манифестации антропологического — от политики и экономики до любви и искусства. Новый порядок представляет собой машину, новое квазигосударство, удерживаемое в единстве благодаря определению пространств технических исключений, которые вытесняют или аннулируют правовые определения¹⁴. Опасность, предупреждает Браттон, заключается в том, что растущая автоматизация приведет к формированию того, что он называет черным стеклом, и все большему сокращению человеческой автономии. Браттон не принимает тезис Шмитта о кажущейся аполитичности и нейтральности технологии, напротив, он видит в ней сущностный политический характер.

14. Bratton B. H. The Stack: On Software and Sovereignty. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 34.

Кибернетический катехон

В показательной статье Дэвида Бейтса «Политическая теология энтропии: катехон кибернетической эпохи», в которой даны проясняющие подробности относительно эволюции этого понятия у Шмитта и влияния на него кибернетики, помимо всего прочего, рассказана интригующая история, характеризующая контекст, в котором одновременно формировались шмиттеанская проблематика и концептуальные представления о норме в биологической науке. В 1915 году физиолог Уолтер Кеннон впервые задался вопросом: каково значение и влияние чрезвычайных ситуаций, фатальных повреждений или шоков при глубоких телесных изменениях, как меняются функции самого организма? Позже, уже в разгар военно-политического кризиса 1941 года, Кеннон, рассуждая об аналогиях между физиологической и политической системами, отмечал: «Когда благополучие организма [было] поставлено под угрозу врагами», изменение системы становится абсолютно необходимым. Кроме того, «организм объединяется, интегрируется для единственной цели — выживания». В условиях кризиса внутренний порядок претерпевает «реакции, которые глубоко нарушают внутреннюю среду», но «они нарушают ее... чтобы сделать организм более эффективным в борьбе, которая может закончиться либо жизнью, либо смертью». Опираясь на медицинскую практику Первой мировой войны, изучая посттравматический шок, Кеннон пришел к выводу, что тело фактически переходит в новую форму существования с новым набором физиологических норм, чтобы подготовиться к битве или стремительному бегству от угрозы. Его главный вывод сводился к следующему:

... каждая сложная организация должна иметь более или менее эффективные механизмы саморегуляции, чтобы предотвратить нарушение ее функций или быстрый распад ее частей, когда она подвергается стрессу¹⁵.

Кстати, именно Кеннон ввел в кибернетику ключевое слово «гомеостаз» для обозначения процесса поддержания равновесия. Модель организма не приложима к политическому именно потому, что политическое сообщество само по себе не является естественным образованием. И сам Кеннон отдавал себе в этом от-

15. Bates D. W. The Political Theology of Entropy: A Katechon for the Cybernetic Age // *History of the Human Sciences*. 2020. Vol. 33. № 1. P. 113–114.

чет: перед лицом кризиса (экономического, военного или социального) человек должен создать инфраструктуру, позволяющую осуществлять гомеостатические и чрезвычайные действия, сохраняющие единство общества, поскольку они не даны от природы.

Шмитт отрицал эффективность автоматических реакций на шок или катастрофу в политической сфере по модели иммунной системы или гомеостатического механизма, проявляя полное безразличие в данном случае как к механистическим, так и к органицистским метафорам, хотя в довоенный период он утверждал, что в нашей «научно-технологизированной цивилизации» царит автоматизм. Возвращаясь к этой проблеме в 1965 году и вспоминая Гоббса, он напомнил, что Левиафан, хотя и был техническим инструментом, но нуждался в направляющей руке суверена. Без нее не может быть подлинных решений, а значит, и подлинного политического действия. Техническое государство, не одухотворенное волей суверена, не было способно к такому действию. Говорить в этом контексте о «решениях» было бы так же абсурдно, как если бы мы хотели воспринимать чередование красных и зеленых сигналов светофора на современных улицах как серию административных актов, то есть как решения¹⁶.

У Карла Дойча, также представителя кибернетики, приспособившего к политическому анализу теорию систем, Бейтс находит разъяснение значимости высказывания Винера о том, что

...машина, как и живой организм, является... устройством, которое локально и темпорально как бы сопротивляется общей тенденции к увеличению энтропии. Благодаря своей способности принимать решения она может создавать вокруг себя локальную зону организации в мире, общая тенденция которого — истощение.

Дойч переосмысляет суверенитет как функцию системы. Суверенитет может быть сконцентрирован на определенных участках системы или же более равномерным образом распределять-ся по всей системе. В первом случае

...функционирование системы может напоминать ситуацию концентрированного суверенитета, знакомую по абсолютным монархиям Европы.

16. Schmitt C. Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen // Der Staat. 1965. Bd. 4. № 1. S. 67.

Однако главный аргумент Дойча состоял в том, что политическая система не требует подобной концентрации. Опираясь на кибернетику и теорию систем, он утверждал, что понятие *равновесия* не является упрощенным представлением о *балансе*, а *гомеостаз* не является простой идеей реакции и противодействия. Именно поэтому точки принятия решений вполне могут быть рассредоточены по всей системе, поскольку для поддержания непрерывности и жизнеспособности большой системы могут потребоваться локальные области стабильности¹⁷.

Такое прочтение Винера и Дойча позволяет Бейтсу сформулировать оригинальное прочтение шмиттеанского катехона. Он интерпретирует *катехон*, называя его на абстрактном и секулярном языке кибернетики агентом порядка, сопротивляющимся процессам нарастающей *энтропии*. Это не означает, что у него катехон является прямым агентом порядка — именно против такой интерпретации однозначно выступал Шмитт. Бейтс настаивает на том, что следует интерпретировать политическое как возможность создания «фрагментов порядка». Но и здесь, с учетом работ Шмитта, точнее было бы сказать, что даже политическое решение не приводит к созданию порядка, а, скорее, обеспечивает отсрочку беспорядка. Выражаясь на кибернетическом жаргоне, конечно, чуждом Шмитту, Бейтс трактует политическое как усилие в «негэнтропии», в сопротивлении энтропии. И эта концепция перекликается с поздним аргументом Шмитта о том, что каждое государство — это временный «фрагмент» порядка в меняющейся множественности государств¹⁸. Абсолютно точно то, что политическое для Шмитта, пишет Бейтс, никогда не было позитивным воплощением порядка. Политическое защищало от беспорядка; радикальная подвижность политического выявляла отсутствие существенного основания или точки опоры для порядка. А если это так, то катехон лучше всего понимать как защиту политического, которое само является убежищем от радикального беспорядка, радикального беззакония, коллапса, который есть «дезорганизация».

Зафиксируем здесь важное для нас различие Бейтса между катехоном и порядком. Бейтс переворачивает концепцию Шмитта с ног на голову, утверждая значимость катехона не в удержании порядка перед угрозой аномии, но в ограждении пространства подлинных решений, способных нарушить регулятивные и нор-

17. Bates D. W. The Political Theology of Entropy. P. 120–121.

18. Ibid. P. 123–124.

мативные требования, препятствующие поддержанию динамического равновесия сложной системы — особенно в периоды кризисов и неожиданных инноваций. Однако он справедливо полагает, что катехон никогда не трактовался Шмиттом как система централизованного контроля и руководства и, следовательно, сам не был производителем исключительных решений или авторитета внутри системы. Бейтс приводит в качестве аргумента полезную для его аргументации цитату из дневника Шмитта с размышлениями о катехоне, записанными сразу после войны: «Существуют временные и преходящие, раздробленные и фрагментарные обладатели этой функции»¹⁹. Бейтс заключает:

... катехон может появиться непредсказуемо — даже несовершенным образом — в наших социальных системах, и не для того, чтобы укрепить порядок против угрозы хаоса или даже предложить альтернативные порядки, а, скорее, для того, чтобы сохранить дух политического в эпоху растущей автоматичности и контроля²⁰.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что интерпретация Бейтсом катехона на первый план выдвигает не столько заботу об удержании порядка, но, напротив, задачу сохранения свободы человека, его прав на принятие решений перед лицом автоматизации, регламентации как проявлений античеловеческого порядка.

Безумие дискретности

Интерпретация Бейтсом катехона связана с некорректным, на наш взгляд, упрощением. Нашим проводником в этом споре могут стать специалисты особенного сорта — те, кто кроме интереса к социологии и философии профессионально занимаются как компьютерными науками, так и программированием. К такого рода пока еще редким экспертам можно отнести Александра Гэллоуэя.

Для Гэллоуэя универсум технического — это не безжизненное королевство автоматов. Тогда как политическое как сфера суверенных решений не является противоположностью оцифрованного мира — напротив, цифровой мир не упорядочен, но в большей степени поляризован и политизирован. Возможно, практика программирования опирается на строгие стандарты, но нельзя от-

19. Ibid. P. 124.

20. Ibidem.

рицать, что различие, неоднородность, множественность, контингентность — все эти вещи не исключены из протоколов, из процесса создания программных продуктов и явным образом включены в основные структуры технологий. Дойч был прав лишь отчасти, когда говорил о более или менее равномерном распределении возможных точек принятия суверенных решений, то есть политического, по всей системе. Появление цифровых систем приводит скорее к возникновению новых источников энтропии или хаоса.

Гэллоуэй обращает внимание на тот факт, что в информатике вшиты зазоры, которые обеспечивают пористость и неоднородность цифровой среды, богатой сбоями и несовместимостями, вирусами и антивирусными системами, а потому среды вполне благоприятной для контингенции, доменов суверенитета и исключительных решений. Современная информатика, говорит он, основана на принципе «содержательного агностицизма», то есть безразличия к содержанию. Содержательный агностицизм он возводит к Клоду Шеннону и его определению информации, которая столь же безразлична к содержанию, поскольку сообщения кодируются синтаксически. Этот контент-агностицизм говорит о том, что влияние на содержание, образ мысли и поведение в конечном итоге не осуществимо на уровне программирования, но оказывать влияние можно на метаданные:

Мы знаем, откуда приходит сообщение, знаем, куда оно уходит, как быстро доходит, как часто осуществляется переписка с определенными людьми и с кем нет общения. Таким образом, существует своего рода гностицизм на структурном уровне и агностицизм на уровне содержания²¹.

Вместе с тем агностицизм на содержательном уровне хрупок, если у пользователя нет сквозного шифрования.

Чтобы развить сюжет о содержательном агностицизме, вспомним Жака Лакана в период его глубокой вовлеченности в кибернетику. Для него бессознательное представляло собой чистую процессуальность *Символического*, комбинаторную игру символами — *содержательный агностицизм* в терминах Гэллоуэя. Язык бессознательного, как и у Шеннона, был машинным языком, который материально мог быть представлен буквами, цифрами, отверстиями на перфокарте, следами магнитных волн — иначе говоря, этот язык был свободным даже от материальных носителей. По-

21. Galloway A. Ob Man etwas tun kann oder nicht, ist eine rein mechanische oder materielle Frage // Zeitschrift für Medienwissenschaft. 2023. Jg. 15. H. 28. S. 77.

этому «встречи» Символического и Реального подчинены только статистическим закономерностям:

Мир знаков функционирует при этом, не имея ни тени значения. Значение ему дает лишь момент, когда мы эту машину останавливаем, когда мы создаем в этом потоке временные паузы²².

Приостановка, или встреча Символического и Реального, включает третью стихию — *Воображаемое*, в которой раскрывается поле для чувственных, азартных или смысловых аспектов коммуникации. Смысл и значение появляется, как в игре орлянку, в которой каждое падение монеты — орел или решка — обретает для игрока экзистенциальную значимость. В игре, пишет Лакан, «человек читает свою судьбу». Воображаемое как средоточие человеческих ожиданий является тем, что можно было бы назвать контейнером возможных смыслов²³. В этом довольно абстрактном лакановском схематизме через автономию Воображаемого обосновывается невозможность полной захваченности человеческого существа стихией Символического. Воображаемое живет благодаря пробелам, созданным процессуальностью Символического, наполняя смыслом случайные последовательности символов, открывая тем самым дорогу контингенции и приостанавливая автоматизмы.

У Гэллоуэя есть отличный пример, приближающий нас к пониманию политического у Шмитта. Гэллоуэй проводит различие в моральном поведении одного и того же человека в окружающем его аналоговом мире и в цифровом. Если индивид идет по улице, вряд ли он разобьет стекло в доме, поскольку с большой долей вероятности столкнется с моральным давлением окружающих, с полицией и т. п. Но если у того же человека появится возможность взломать чужой компьютер, он обязательно это сделает. Чтобы понять технологическую реальность, считает Гэллоуэй, следует обратить свой взор не столько на полицию, сколько внимательно приглядеться к современной политике, то есть заняться изучением новых техногенных форм насилия — цифровой кражи идентичности или мошенничества, например. От технологической реальности не стоит ожидать такой опасности, как нейтрализация и деполитизация. Напротив, технологическое развитие

22. Лакан Ж. «Где речь? Где язык?» // Он же. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары: Кн. 2 (1954–1955) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 402.

23. Он же. Психоанализ и кибернетика, или О природе языка // Он же. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. С. 424.

кладет начало потокам возбуждения и новых форм насилия и политики. Их олицетворением являются фурии, а главным форматом цифрового или дискретного безумия являются системы. Фурии, порожденные цифровыми системами, «самые ризоматические из всех божеств», олицетворяют «сложные системы, такие как рой, ассамбляж или сеть»²⁴. Фурии, или цифровой универсум, образуют новую экосистему, пронизанную невиданной до сих пор «яростью распределенных сетей» и множеством самостоятельных субъектов со своими наборами микрофункций²⁵.

И вот здесь уместно вспомнить о Шмитте, а именно, о подзаголовке его книги «Теория партизана»: «Промежуточное замечание к понятию политического». Он указывает на то, что в книге продолжается некий поиск или рассуждение о политическом. Не вдаваясь в подробности теории, отметим лишь, что партизан представляет собой хтоническую фигуру, связанную со своим локальным миром, почвой и родом. Он противостоял технической регулярности государственных армий. Шмитт сравнивал судьбу партизана с судьбой политического в индустриальную эпоху и ему казалось, что пассионарность партизана выглядит довольно комично на фоне нигилизма и нейтрализующих сил современных технологий.

Когда внутренняя, имманентная рациональность и регулярность тщательно организованного технологического мира [была] достигнута... партизан [стал], возможно, не более чем раздражителем»²⁶.

Партизан стал исчезающим пережитком прошлого, «как собака с автострады»²⁷. Конечно, тут напрашивается аналогия с современными партизанами цифровой эпохи — хакерами. Но обратим внимание на траекторию эволюции хакеров: они появляются в 1960-е годы как участники движения контркультуры, боровшиеся с государством за автономию цифровых сообществ, за права на частную жизнь и собственность; сегодня же хакеры вовлечены в силовую конкуренцию великих держав и представляют собой

24. Гэллоуэй А. и др. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 43.

25. Там же. С. 78–79.

26. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007. С. 119.

27. Там же.

...нерегулярные силы, которым поручено проникновение в политику и манипулирование общественным мнением²⁸.

Сравнение партизана и хакера интересно не только своей внешней аналогией, но как иллюстрация важных смещений или трансформации политического. Во-первых, кибернетический универсум не является бесшовным и монолитным единством, противостоящим политическому — напротив, он пронизан политикой. Во-вторых, политическое трудно идентифицируемо, что демонстрирует нам продолжительная эволюция понимания политического Шмиттом. В-третьих, одним из препятствий идентификации политического в современную цифровую эпоху является унаследованный от Шмитта и сформировавшийся на основе оппозиции между легализмом и децизионизмом образ политики, имевшей ограниченную историческую значимость и утратившей актуальность внутри новых технических систем. Для фурий такая дихотомия нерелевантна, их экосистема пронизана микрофизикой связей и векторов сложных систем. Все это приводит нас к необходимости по-новому поставить вопрос о катехоне.

Если написанное верно, тогда кризис политического, о котором размышлял Шмитт в 1960-е годы, был не столько результатом технического прогресса, сколько кризисом представлений об обществе. Диспозитивы безопасности работают, но их автоматизм приводит к непредвиденным последствиям, не гарантирует от катастроф и не обеспечивает бесперебойную нормализацию. Катехон, предохраняющий от кризиса, столь же трудно идентифицировать, как политическое или источники угроз.

Луман обратил внимание на то, что обсуждения кризиса сегодня сигнализируют лишь о том, что единство мира недоступно с позиции взаимодействия:

Поскольку каждый расположен локально, опыт целого неизбежно становится частичным, фрагментарным и неясным. Представление достаточно ясно, чтобы указать на то, что что-то идет не так, но достаточно неточно, чтобы определить, что за этим стоит. Поэтому «кризис» становится концептом, конденсирующим бесчисленные слепые пятна, которые поддерживают различия, описывающие мир как кризисный²⁹.

28. *Guilhot N.* Automatic Leviathan: Cybernetics and politics in Carl Schmitt's Postwar Writings // *History of the Human Sciences*. 2020. Vol. 33. № 1. P. 129.

29. *Luhmann N.* The Self-Description of Society: Crisis Fashion and Sociological Theory // *International Journal of Comparative Sociology*. 1984. Vol. 25. № 1–2. P. 59–72.

Дополнительные сложности порождают устройства безопасности, которые на начальных этапах кризиса автоматически запускают заранее сформулированные жесткие алгоритмы и протоколы действий. Поскольку их работа опирается на прогнозы динамики катастроф, сделанные на основе прецедентов, постольку приоритетное внимание уделяется опыту прошлого, а не работе с неопределенностью будущего. Автоматизация ответов на кризисы депроблематизирует будущее и формирует ложное чувство уверенности в генезисе и последовательности этапов кризиса.

Что касается катехона, то он позволяет идентифицировать себя как силу удержания только тогда, когда будущее предстает в однозначном и четком образе, как, например, проявляет себя *империя* на фоне устойчивого ожидания *Судного дня*. Общество с открытым будущим, каковым считает себя поздняя современность, не обладает стабильным и оформленным ожиданием. Оно имеет широкий набор вероятных угроз — от ядерной войны до пандемии или глобальной экологической катастрофы. Их одновременность и разноплановость делает оправданной ставку скорее на реактивные действия, ценность которых тем больше, чем выше скорость реакции и чем глубже понимание специфических деталей конкретной кризисной ситуации. Неопределенность будущего требует культуры *чистой готовности* к чрезвычайному, а некогда монолитный *Катехон* преобразуется в серию профильных катехонов, в специализированные силы быстрого реагирования.

Библиография

- Бир С. Мозг фирмы / Пер. с англ. М. М. Лопухина. М.: Либроком, 2008.
- Гэллоуэй А., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Добрая книга, 2009.
- Куренной В. А. Россия после кризиса: вызовы модернизации. Избранные места из стенограммы Междисциплинарного круглого стола журнала «Гуманитарный контекст» // Гуманитарный контекст. 2009. № 2. С. 84–91.
- Лакан Ж. «Где речь? Где язык?» // Он же. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары: Кн. 2 (1954–1955) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 393–414.
- Лакан Ж. Психоанализ и кибернетика, или О природе языка // Он же. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары: Кн. 2 (1954–1955) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 415–434.
- Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007.
- Bates D. W. Catastrophe and Human Order: From Political Theology to Political Physiology // The Time of Catastrophe Multidisciplinary Approaches to the

- Age of Catastrophe / C. Dole, R. Hayashi, A. Poe, A. Sarat, B. Wolfson (eds). Farnham, UK: Ashgate, 2015. P. 99–123.
- Bates D. W. The Political Theology of Entropy: A Katechon for the Cybernetic Age // *History of the Human Sciences*. 2020. Vol. 33. № 1. P. 109–127.
- Bratton B. H. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Detrouzos M. L. Individualized Automation // *The Computer Age: A Twenty-Year View* // M. L. Detrouzos, J. Moses (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1979. P. 38–55.
- Durkheim É. *De la division du travail social*. P.: PUF, 1986.
- Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems // *World Politics*. 1957. Vol. 9. № 3. P. 383–400.
- Galloway A. Ob Man etwas tun kann oder nicht, ist eine rein mechanische oder materielle Frage // *Zeitschrift für Medienwissenschaft*. 2023. Jg. 15. H. 28-1. S. 71–85.
- Guilhot N. Automatic Leviathan: Cybernetics and politics in Carl Schmitt's Postwar Writings // *History of the Human Sciences*. 2020. Vol. 33. № 1. P. 128–146.
- Luhmann N. Are There Still Indispensable Norms in Our Society? // *Soziale Systeme*. 2008. Vol. 14. № 1. P. 18–37.
- Luhmann N. The Self-Description of Society: Crisis Fashion and Sociological Theory // *International Journal of Comparative Sociology*. 1984. Vol. 25. № 1–2. P. 59–72.
- Menke C. *Kritik der Rechte*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2015.
- Pickering A. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics // *Kybernetes*. 2004. Vol. 33. № 3/4. P. 499–521.
- Pors J. G., Anderson N. A. Playful Organisations: Undecidability as a Scarce Resource // *Culture and Organisation*. 2015. Vol. 21. № 4. P. 338–354.
- Schmitt C. Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen // *Der Staat*. 1965. Bd. 4. № 1. S. 51–69.
- Stiegler B. *Automatic Society: Vol. 1. The Future of Work*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2016.

KATECHON IN THE AGE OF CYBERNETIC SYSTEMS' RAGE

ROUSLAN KHESTANOV. National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, khestanov@hse.ru.

Keywords: katechon; cybernetics; Carl Schmitt; digitalization; catastrophe; normalization; security dispositifs; the political; the hacker.

The article argues that one of the main characteristics of modernity is the underlying paradox that could be labeled as an attitude of securitization through catastrophe. The author shows how the aspiration to overcome catastrophes and crises forms the attitude to their utilization, i.e. to create apparatuses or devices that guarantee safety and successful transformation of catastrophes into a benefit or advantage. An analysis of the polemics around Carl Schmitt's concept of the katechon is offered, as it has become the center of disputes about the guarantees of containment of catastrophic events in connection with the challenge posed by new technologies and the latest representatives of the powerful wave of techno-optimism represented by the cybernetic movement. Katechon proves to be an extremely convenient subject for analytical endeavors, since it, while retaining reference to the biblical tradition, ties modern theories of large political spaces, empire as a force of containment, sovereignty, and the political into a single problematic knot.

Emphasis is placed on the analysis of the catechumen by representatives of the cybernetic movement, since it was they who mainly insisted on the possibility of creating systems of automatic control and overcoming crises and catastrophes. It is argued that the increasing automation of the technological universe does not shrink the space of political decision-making, but transforms politics and makes it difficult to identify. It is demonstrated that one of the obstacles to the identification of the political in the contemporary digital age is the image of politics inherited from Schmitt, formed on the basis of the opposition between legalism and decisionalism, the significance of which disappears within the new technical systems. The crisis-proofing katechon is as difficult to identify as the political or the sources of threats.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-275-294

References

- Bates D. W. Catastrophe and Human Order: From Political Theology to Political Physiology. *The Time of Catastrophe Multidisciplinary Approaches to the Age of Catastrophe* (eds. C. Dole, R. Hayashi, A. Poe, A. Sarat, B. Wolfson), Farnham, UK, Ashgate, 2015, pp. 99–123.
- Bates D. W. The Political Theology of Entropy: A Katechon for the Cybernetic Age. *History of the Human Sciences*, 2020, vol. 33, no. 1, pp. 109–127.
- Beer S. *Mozg firmy* [Brain Of The Firm], Moscow, Librocom, 2008.
- Bratton B. H. *The Stack: On Software and Sovereignty*, Cambridge, MA, MIT Press, 2015.
- Detrouzos M. L. Individualized Automation. *The Computer Age: A Twenty-Year View* (eds. M. L. Detrouzos, J. Moses), Cambridge, MA, MIT Press, 1979, pp. 38–55.
- Durkheim É. *De la division du travail social*, Paris, PUF, 1986.
- Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems. *World Politics*, 1957, vol. 9, no. 3, pp. 383–400.
- Galloway A. Ob Man etwas tun kann oder nicht, ist eine rein mechanische oder materielle Frage. *Zeitschrift für Medienwissenschaft*, 2023, Jg. 15, H. 28-1, S. 71–85.

- Galloway A., Thacker E., Wark M. *Ekskommunikatsiia. Tri esse o media i mediatsii* [Excommunication: Three Inquiries in Media and Mediation], Moscow, Ad Marginem, 2022.
- Guilhot N. Automatic Leviathan: Cybernetics and politics in Carl Schmitt's Postwar Writings. *History of the Human Sciences*, 2020, vol. 33, no. 1, pp. 128–146.
- Klein N. *Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism], Moscow, Dobraia kniga, 2009.
- Kurennoy V. Rossiia posle krizisa: vyzovy modernizatsii. Izbrannye mesta iz steno-grammy Mezhdistsiplinarnogo kruglogo stola zhurnala "Gumanitarnyi kontekst" [Russia After the Crisis: Challenges of Modernization. Selected passages from the transcript of the Interdisciplinary round table of the journal "Gumanitarnyi kontekst"]. *Gumanitarnyi kontekst*, 2009, no. 2, pp. 84–91.
- Lacan J. "Gde rech'? Gde iazyk?" [Where Is the Speech? Where Is the Language?]. "Ia" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza. *Seminary: Kn. 2 (1954–1955)* [Le Moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Le Séminaire. Livre II (1954–1955)], Moscow, Gnosis, Logos, 2009, pp. 393–414.
- Lacan J. Psikhoanaliz i kibernetika, ili O prirode iazyka [Psychoanalysis and Cybernetics, or on the Nature of Language]. "Ia" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza. *Seminary: Kn. 2 (1954–1955)* [Le Moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Le Séminaire. Livre II (1954–1955)], Moscow, Gnosis, Logos, 2009, pp. 415–434.
- Luhmann N. Are There Still Indispensable Norms in Our Society? *Soziale Systeme*, 2008, vol. 14, no. 1, pp. 18–37.
- Luhmann N. The Self-Description of Society: Crisis Fashion and Sociological Theory. *International Journal of Comparative Sociology*, 1984, vol. 25, no. 1–2, pp. 59–72.
- Menke C. *Kritik der Rechte*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2015.
- Pickering A. The Science of the Unknowable: Stafford Beer's Cybernetic Informatics. *Kybernetes*, 2004, vol. 33, no. 3/4, pp. 499–521.
- Pors J. G., Anderson N. A. Playful Organisations: Undecidability as a Scarce Resource. *Culture and Organisation*, 2015, vol. 21, no. 4, pp. 338–354.
- Schmitt C. Die vollendete Reformation: Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen. *Der Staat*, 1965, bd. 4, no. 1, ss. 51–69.
- Schmitt C. *Teoriia partizana. Promezhutochnoe zamechanie k poniatiiu politicheskogo* [Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen], Moscow, Praxis, 2007.
- Stiegler B. *Automatic Society: Vol. 1. The Future of Work*, Cambridge, UK, Malden, MA, Polity Press, 2016.